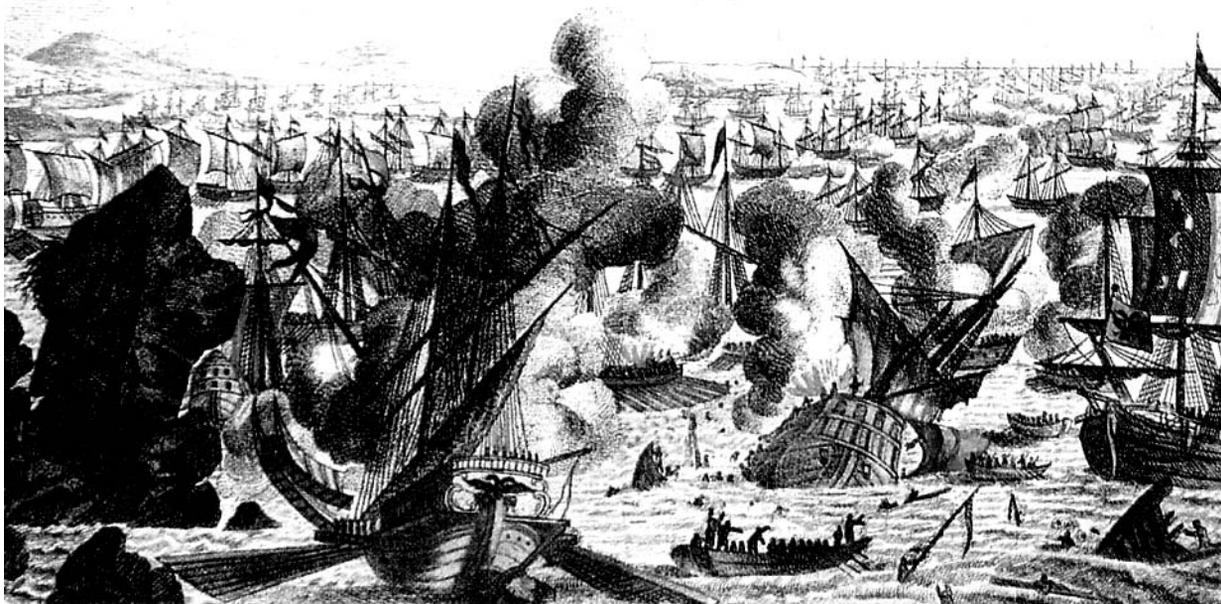

Михаил ДАНКОВ

г. Петрозаводск

ПУШКИ ЧАРЛЬЗА ГАСКОЙНА СО ДНА БАЛТИКИ

Олонецкая артиллерия в конце XVIII столетия в горниле сражений с успехом ковала внушительные победы и защищала независимость Российской империи. Пушки, отлитые под глазом шотландца Чарльза Гаскойна (Charles Gascoigne), гремели на Бородинском поле, удерживали стратегическую линию на Черном море, отличились под Плевной, у горы Шипка. Сохранившиеся карельские орудия демонстрируются в музейных экспозициях, украшают парки и приморские набережные Санкт-Петербурга, Кронштадта, Петрозаводска и Севастополя. Десятки артиллерийских стволов, «сработанных на Олонце», можно видеть на бастионах Брестской крепости, в цитадели на Аланских островах, в английском Арсенале в Вулвиче, а также, что удивительно, на Марсовом поле в Монреале и в других канадских городах: Квебеке, Кингстоне, Торонто и Оттаве.

Однако до сих пор немалая часть пушек петрозаводской отливки покоится на морском дне в местах гибели кораблей. В этом смысле прошлое неохотно расстается с завораживающими секретами. Так, в 1948 г. на Балтике, близ финских городков Руотсин-

салми и Хамина, недалеко от современного приморского центра Котка, на фарватере Большого Роченсальмского залива при гидротехнических работах на глубине 17 метров был обнаружен полуразбитый корпус старинного военного парусника. Занесенный донным илом 42-метровый корабль находился на морском дне без мачт, с плохо уцелевшими палубными надстройками, весельными и пушечными портами. При исследовании остатков судна финские аквалангисты на дне нашли 26 артиллерийских орудий. Однако где эти стволы были изготовлены, выяснилось совсем недавно.

О разбитом корабле российские ученые узнали в 80-х гг. прошлого века. Популяризатор науки Г. Ланитцки кратко и не совсем точно описал некую русскую галеру «die galeere», погибшую в русско-шведской битве 1790 года. Он назвал судно «Св. Николай», однако тип корабля, время его гибели и место литья пушек требовали серьезной научно-исследовательской работы.

Изучение удивительного памятника морской истории началось в 1960 г., когда археологический комитет Финской ассоциации водолазов создал для

обследования загадочного парусника специальный Роченсальмский союз. Сейчас коллекция исторических предметов, поднятых дайверами с места крушения русского судна, насчитывает более тысячи единиц хранения.

Среди раритетных вещей, часть которых водолазы передали на хранение в фонды государственного Морского музея в Хельсинки, а другую часть – в музей Кюменлааксо в Котке, находятся уникальные артефакты. Это медные, серебряные и золотые русские монеты, огнестрельное и холдное оружие, ружейные кремни, штурманские инструменты, бронзовые иконки-складни, нательные крестики, фарфоровая и стеклянная столовая посуда, образцы кухонной утвари.

В собрание вошли предметы амуниции, одежда и обувь, инструменты сапожника и многое другое, чем в обиходе пользовались, как выяснилось, действительно русские моряки. Для нас особый интерес и обоснованное беспокойство вызывают артиллерийские орудия военного корабля, которые финские специалисты полвека назад подняли на поверхность. К сожалению, коллекция в 18 пушек (из 26 обнаруженных), скорее всего, не принята на государственный учет. Во всяком случае, ныне чугунные орудия в жалком виде находятся на нежилом о. Варисаари вблизи г. Котка. Одиннадцать пушек морского боя пока размещены в двух крытых ангарах, окруженных панцирем из стальной сетки, остальные семь – на площадке летнего кафе «Fort Elisabeth». Здесь любители старины организовали вариант открытого хранения фондов с экспонированием морских пушек и крупных деталей корпуса судна.

Между тем лишь недавно на казенной поверхности двух корабельных орудий исследователи случайно выявили еле читаемую прорезь с кириллическим текстом «АлѣѢА ЗАѢО». Открытие существенно расширяет знания о 2-м Роченсальмском бое, разыгравшемся 28 июня / 9 июля 1790 г., а также уточняет представления о пушечных предприятиях России в конце XVIII века. Выскажем обоснованное предположение, что два чугунных ствола 18-фунтового калибра, поднятые в 1948 г. с морского дна, являются сохранившейся продукцией петрозаводского Александровского пушечного завода, который в 1786–1788 годах под началом Ч. Гаскойна и его иноземных коллег прошел «западную» реконструкцию.

До прибытия в Петрозаводск Чарльз Гаскойн в 1779–1786 гг. руководил знаменитой Карронской пушечной компанией в Фалькирке (Шотландия). С августа 1786 г. – он на Александровском заводе. Известный металлург установил европейские машины для сверления и обточка орудий, смонтировал но-

вые краны для поднятия крупногабаритных грузов. Из Англии Гаскойн привез в Карелию детали для «цилиндрических, раздувательных, сверлильных» механизмов, а также «огнеупорную глину и кирпич, огнепостоянный камень» и даже «значительное количество каменного угля».

Через два года здесь был внедрен «чугунный колесопровод», первая в Российской империи железная дорога, по которой пушки отвозили из сверлильного цеха в литейный. При британце в Петрозаводске изготавливали орудия, ядра, якоря, корабельную фурнитуру, а также художественное литье. Однако «милитаристские» заказы для карельской металлургии стали приоритетными. В течение 1788–1789 гг. Ч. Гаскойн передал российской казне 386 отменных орудий. В этом смысле нет ничего удивительного, что петрозаводские артиллерийские стволы оказались на боевом корабле, а вскоре и на дне Роченсальмского залива Балтийского моря.

Обнаруженный финнами русский парусник, расшифровка монограмм корабельных орудий действительно являются историческими загадками, о которых отечественные специалисты почти ничего не знают. Поэтому попытаемся приоткрыть секреты затопленного гребного фрегата и пушек Чарльза Гаскойна.

Трагедия судна связана с «незнаменитой» войной на Балтике, которую в конце XVIII столетия против Екатерины II вела шведская корона. Исконный противник России стремился овладеть северными землями, чтобы навсегда завершить многовековой спор за невисское устье и карельскую территорию. Однако войне 1788–1790 годов не повезло. До сих пор истории этим событиям отводят скромное место, хотя они, безусловно, заслуживают памяти потомков. Воинственный шведский король Густав III, желая смыть вековую «шведскую несправедливость», вознамерился вернуть якобы свои земли, утраченные в Петровское время по Ништадтскому договору. Молодой король знал, что императрица Екатерина II вела с 1787 г. тяжелую войну с Османской Портой, поэтому надеялся на безоговорочную победу на Севере. Для этого он нашел неблагородный повод к раздору и обвинил в июне 1788 г. Россию в нападении на пограничный пост Вуальтенсальм. На самом деле русских там изображали сами шведские солдаты, обряженные в русские мундиры, специально пошитые для инсценировки в мастерских.

Еще в мае шведская эскадра генерал-адмирала герцога Зюдерманландского вышла в Финский залив и атаковала русских. Тогда комендант осажденного Нейшлота (сейчас г. Савонлинна) майор Кузьмин, бывший инвалидом, на требование Густава III

сдать цитадель достойно ответил: «Я без руки, не могу отворить ворота. Пусть его величество сам потрудится».

Неправедно начатая война шведскому монарху не задалась и на суше, но особенно на море. Летом 1788 г. русские одержали победу у острова Гогланд. Через год в августе вице-адмирал К.-Г. Нассау-Зиген, гессенский принц на русской службе, нанес королевскому флоту поражение у Роченсальма (Руотсинсальми). Здесь шведы потеряли 39 кораблей, а адмиральское судно попало в плен.

Затем 22 июня / 3 июля 1790 г. в сражении в Выборгском заливе соискателя военных лавров ждала настоящая катастрофа, шведы лишились 67 кораблей, остальные в «полуживом виде» скрылись в Свеаборге (ныне административный район Хельсинки). Победа сорвала идею высадить десант и захватить с моря Санкт-Петербург. Разочарованный король, сам едва не попавший в плен, в гневе потребовал от генералитета «русской крови».

Вместе с тем через несколько дней шведы смогли утешить короля. Речь идет о состоявшемся 28 июня / 9 июля 1790 г. втором Роченсальмском бое, в результате которого скандинавы разгромили русский флот. Судно и артиллерийские стволы, обнаруженные на дне Балтики, вне сомнения относятся к этому сражению. События разворачивались стремительно. В ожидании прихода русской флотилии король Густав III, имея сутки форы, ухитрился оборудовать позиции в шхерах Роченсальма, установил артиллерийские батареи, промерил глубины в заливе, поставил галеры на якоря, а главный фарватер перекрыл затопленными брандерами. Силы флотов перед сражением оказались неравными. У короля находилось 295 боевых и 67 транспортных судов с тысячей пушек, у нас лишь 173 корабля при 1000 орудий.

Русские моряки, ночью оказавшись у входа в залив, рвались в бой, желая подарить победу государыне в день 28-летней годовщины ее восшествия на престол. Однако любимец Екатерины II принц Нассау-Зиген отложил бой на утро. Начало битвы не остановил даже свежий ветер, который быстро перерос в шторм. Капризная стихия Балтики властно вмешалась в события. Волны безжалостно несли русские корабли к скалам и губительным вражеским батареям. Со слезами на глазах вице-адмирал, бесильный что-либо предпринять, наблюдал бесславную трагедию с флагманского корабля.

Русский флот не смог прорваться на рейд, а малые суда неприятеля успешно маневрировали и вносили раздор в действия русских галер, смешивая строй фрегатов и шебек. Боевые действия завершились в 23 часа, итог столкновения гребных ар-

мад оказался ужасным. В морском сражении погибло 52 корабля русской флотилии, много судов выбросило на камни, где «раскатало по бревнышку», остальные подожгли сами моряки. Часть кораблей оказалась в неприятельском «полоне», в том числе русские шебеки, носившие мифологические имена «Минерва», «Белона», «Диана» и «Презерпина».

Однако русский гребной фрегат «Святой Николай», которым командовал капитан Маршал (Марчелл), англичанин, принятый на службу в 1789 г., во втором сражении при Роченсальме погиб. Речь идет о том самом судне, оснащенном пушками Александровского завода, которое обнаружили финны на дне Балтики. По воспоминаниям уцелевших моряков, капитан в критической ситуации кричал: «Мне не довелось подать вам пример, как должно побеждать, так я покажу... как следует погибать». В Российском государственном архиве ВМФ сохранилась пронзительная корреспонденция Пьера Гарриса, премьер-лейтенанта фрегата «Святой Николай». Выбравшись 7 сентября 1790 г. из шведского плена, он сообщал, что «после боя продолжительностью... 9 часов кряду» корабль с олонечкими пушками пошел «ко дну; капитан Маршал... сломал три шпаги в руке и был трижды ранен», но лишь после того как был «сражен неприятельской пулей, утонул со знаменем в руке».

Офицер «Святого Николая» указал, что из 400 человек экипажа «двадцать три имели счастье быть спасенными благодаря доблести ... г-на лейтенанта Шатонева». Далее Гаррис сообщал, что моряки «находились в воде и проплыли около часа» и лишь затем были подняты «на борт корабля бригадира Дениссона». Вскоре моряки «были вынуждены спустить флаг и сдаться», так как «трос ... разорван пушечным ядром и судно находилось среди скал». Так подлинная реляция на французском языке, сохранившаяся в отечественном архиве, восстанавливает горькие последние мгновения гребного фрегата «Святой Николай».

После погромного сражения воодушевленные скандинавы вывезли русские трофейные корабельные флаги и гюйсы и разместили их в Большой кирхе (Storkyrkan) Стокгольма. Морские реликвии сохранились, и сегодня можно увидеть флаги русского корабля в Музее армии в Стокгольме.

В честь виктории у Роченсальма шведы отчеканили победную медаль, а Нассау-Зиген с честью отказался от русских наград и потребовал персонального расследования. Однако государыня не посчитала трагедию «конфузией» и выступила против уголовного процесса, более того, произвела «неудачника» в полные адмиралы, определив главным командиром гребного флота России. 3 августа 1790 г.

в местечке Верель Густав III выпросил у «мадам, сестры и кузины» Екатерины II мир, которая со снисходительным лукавством назвала венценосно-го визави мой «маленький бедный герой».

Если вернуться к загадкам русского корабля и к любопытной судьбе петрозаводских пушек гребного фрегата «Святой Николай», то можно прикоснуться к неизвестной истории. Сначала о названии корабля, покоящегося на дне Роченсальмского залива. Долгое время вопрос являлся дискуссионным. Некоторые скандинавские исследователи полагали, что найден не «Святой Николай», а гребной фрегат «Мария» кронштадтской постройки 1790 г. Другие утверждали, что затонувший корабль является шебекой «Прозерпина», которая на самом деле попала в шведский плен. Не вызвали сомнений лишь дата гибели и принадлежность судна к русскому военно-морскому флоту. Лишь в последние годы научное сообщество окончательно утвердилось в мысли, что финские водолазы в 1948 г. действительно нашли гребной фрегат «Святой Николай».

Между тем в архивных материалах XVIII столетия упоминаются два наименования судна: «Николай» и «Святой Николай». В этом смысле учтем, что в екатерининское время корабли имели официальное имя, занесенное в регистрационные книги Адмиралтейства, а также «житейское – для повседневной службы». Можно согласиться с устоявшимся в историографии названием гребного фрегата «Святой Николай», который с семью однотипными кораблями был спущен на воду 23 апреля 1790 г. в Кронштадте. Остальные корабли серии назывались

«Екатерина», «Мария», «Павел», «Константин», «Елена» и два фрегата носили имя «Александр».

Однако в российских, шведских и финских архивах подлинные материалы, «именные» чертежи фрегата, пока не обнаружены. Исключение составляет недавно выявленный в РГА ВМФ теоретический чертеж «№ 1750» с элементами конструкции безымянного корабля, выполненный тушью, который соотносится с гребным фрегатом «Святой Николай».

Чертеж фиксирует «розмерения» кронштадтских кораблей 1790 г. «длина по палубе – 130 футов, ширина без досок – 32 фута 6 дюймов, глубина интрьума – 11 футов». Хочется допустить: мы имеем дело с рабочей документацией «Святого Николая», хотя время постройки судна указано более раннее, «в кронштадтском канале 1789 года». Недавно в фондах Центрального военно-морского музея в Санкт-Петербурге нашлась полумодель с аннотацией на 28-пушечный гребной фрегат «Николай» 1790 г. постройки, а в собрании музея «Кронштадтская крепость» полная модель 38-орудийного фрегата «Константин», возведенного в 1790 г. в Кронштадте. Объединяя информацию, можно сделать вывод, что кронштадтский корабль «Святой Николай» был оснащен 38 артиллерийскими стволами, часть которых «сработана» в Карелии.

Дефицит архивных источников на Западе вызвал ажиотаж и появление серии реконструкций русского судна. Европейские исследователи и моделисты предприняли настойчивые усилия, чтобы воссоздать облик разбитого корабля. Первую попытку осуществил Х. Сорвали. Он сделал масштабный макет

Пушки Александровского завода. XVIII в.

Монограмма на стволе пушки Александровского завода. Конец XVIII в.

Прорезь на казенной части ствола Александровского завода. Конец XVIII в.

«Святого Николая», используя судостроительные схемы Ф. Чапмана, подводные данные инструментальных обмеров «Святого Николая» и сведения об обводах захваченного шведами в 1788 г. у мыса Суруп русского фрегата «Ярославец».

Затем С. Ваккари опубликовал свой проект реконструкции не только корпуса, но и рангоута, такелажа и парусов гребного фрегата.

Исследовательские обмерные чертежи корпуса послужили основой для Х. Алопеуса, который в 1969–1970 гг. создал модель судна длиной в 33 дюйма, а Ю. Урьяняйнен в 1985 г. предложил уточненный макет, ныне демонстрируемый в музее Кюменлааксо. Любопытно, что несколько лет назад научные сотрудники музея Кюменлааксо приступили к строительству «живой» демонстрационной модели русского боевого фрегата.

Однако загадки артиллерийского парка поверженного фрегата для жителей Карелии, пожалуй, имеют решающее значение. Исходя из архивных чертежей, русское судно, очевидно, имело 38 стволов. Это четырнадцать орудий 6-фунтового калибра, два – 12, двадцать – 18 и два 24-фунтового. Между тем финские дайверы в середине XX в. обнаружили только двадцать шесть пушек, что означает: начальная утрата составляет двенадцать артиллерийских орудий. Чем можно объяснить, что на «Святом Николае», покоящемся на дне Балтики, оказалось значительно меньше пушек, чем сообщают русские и шведские документы? Может, до официального открытия к орудиям приложили руку вездесущие «любители подводных археологических приключений»?

Но объяснение «пропажи» куда более неожиданно, но не менее увлекательно. Оказывается, еще в конце XVIII в. в заливе Роченсальма русские специалисты по требованию Адмиралтейства приступили к подъему на поверхность ценного вооружения затонувшего гребного фрегата. В трех рапортах рижского водолазного комиссара К.Г.Риделя, адресованных адмиралу А. Н. Сенявину, говорится, что подводные работы осуществлялись в 1795 и 1796 годах. Скорее всего, акция проводилась с использованием передовой технологии того времени – водолазных колоколов и понтонных приспособлений. Опираясь на отчет от 14 июля 1795 г., узнаем, что судно «лежит между здешнею брандвахтой и Адмиралтейством». В следующей реляции, датированной 11 августа, комиссар просит у адмирала совета – «выгрузить» фрегат или поднять сам корпус», и уточняет: «Нарочно не снял пушек с левой стороны, поелику оные... нужны будут к постановлению фрегата на киль посредством равновесия». Скорее всего, ведущий распоряди-

тель подводных работ К. Ридель смог поднять те самые недостающие морские орудия крупного калибра с правой стороны и носа «Святого Николая». Но какие это были пушки и где они могут находиться теперь, никому не известно. В то же время рижский специалист, безусловно, стремился поднять не только артиллерийские стволы. Главным образом комиссар надеялся вырвать с илистого грунта корпус затонувшего фрегата, иначе на помощь не пригласил бы двух высококлассных водолазов из Копенгагена.

Между тем новая загадка связана со вторым этапом утраты пушек, теперь уже в XX столетии. Сегодня с уверенностью можно говорить о наличии лишь 18 мощных гладкоствольных морских орудий «Святого Николая». Судьба и местонахождение потерянных после 1948 г. восьми стволов неизвестна и подогревает исследовательскую интригу. Таким образом, количество отсутствующих пушек ныне составляет 20 единиц.

Отметим, из восемнадцати стволов, поднятых с морского дна и размещенных на о. Варисаари, десять 18-фунтового калибра, одно 12-фунтового и шесть 6-фунтового. Калибр одной пушки, согласно сведениям гамбургского археолога К.Шилика, составляет 160 мм. В екатерининское время такого артиллерийского стандарта не существовало, вероятно, речь идет об орудии 24-го калибра, подвергшемся коррозии.

Ну а теперь о двух петрозаводских пушках, установленных на дубовые лафеты с клиньями. Орудия, демонстрируемые на ресторанной площадке «Fort Elisabeth», отлиты при Ч. Гаскойне на казенном Александровском металлургическом заводе. После «пробы» на береговой террасе Онежского озера пушки в конце 80-х гг. XVIII столетия по воде отправлялись на Балтику. Именно там, в Кронштадте, грозные орудия 18-го калибра мастера установили на опер-деку гребного фрегата «Святой Николай», который в апреле 1790 г. спустили на воду.

Однако исключительность «отбитых на Олонце» стволов заключается в уникальности монограмм, глубоко «процарапанных» с помощью зубила и молота. При внимательном осмотре двух орудий над цапфами была обнаружена строчная прорезь «ΑλϵζΑ ΖΑΒΟ», выполненная буквами кириллического алфавита. Надпись, выбитая от руки безымянным петрозаводским мастером-литейщиком, однозначно свидетельствует о месте изготовления пушек. Между тем композиционное сходство монограмм на петрозаводских орудиях на этом заканчивается. На тарели первой пушки ниже строки «ΑλϵζΑ ΖΑΒΟ» в центре «битого клейма» вырезаны пока непонятные, требующие объясне-

ния три арабские цифры «3(?)28». Ниже и левее видим контурное изображение двурогого якоря с оборванным штоком, без кольца рыма.

На втором артиллерийском орудии ниже буквенной монограммы «АлѣѢА ЗѢѢО» видим процарапанное изображение двурогого якоря, теперь с кольцом рыма, и текст полукругом в одну строку «Ѣс 124 ПүΔ 30 фүн». Очевидно, текст сообщает, что вес 18-фунтовой корабельной пушки петрозаводской отливки составляет 124 пуда 30 фунтов. В то же время на стволе третьей пушки 18-го калибра в баре «Fort Elisabeth», отличающейся от карельских орудий, сохранилось лишь полустертое литое клеймо с изображением российского двуглавого орла. Сохранились ли какие-либо монограммы или выбитые прорисовки на поверхности оставшихся под навесом 11 пушек, сказать невозможно. Они лежат без аннотации, порой «в перевернутом виде» на деревянном помосте в центре ангара. Как хотелось бы, чтобы среди них оказались еще неизвестные стволы Александровского завода, отлитые в 1788 –1789 гг. шотландцем Ч.Гаскойном.

Российских историков волнуют условия хранения олонечких пушек, у которых верхний слой чугуна с вырезанными надписями отслаивается и осыпается крупными скорлупами. Подобная методика экспонирования вызывает удивление. Ведь «выбитые» клейма на петрозаводских пушках, пролежавших 158 лет на илистом дне моря, являются надежным и удивительным источником. К тому же о «прорезях» других оружейных предприятий России и Европы исследователям ничего не известно.

Завершая рассказ о загадочном судне и его ору-

диях, прикоснемся к последнему аккорду фантастической истории. В 1975 г. сюжет о гребном фрегате кронштадтской постройки получил продолжение. Тогда финские аквалангисты в полуразрушенном корпусе корабля «Святой Николай» обнаружили чудом сохранившиеся останки русских моряков и подняли их на поверхность. Вскоре на старинном кладбище в центре города Котка у православной церкви Святого Николая состоялось захоронение праха матросов и офицеров.

Позже, в 1990 г., на о. Варисаари, недалеко от «Fort Elisabeth», где хранятся пушки Александровского завода, король Швеции Карл XVI Густав и королева Сильвия торжественно открыли обелиск в память воинов-моряков, погибших в 1790 г. в Роченсальмской баталии. На массивном постаменте, словно на петрозаводских орудиях, выбита надпись «29. 6. 1990. CARL XVI GUSTAF SVERIGES KONUNG». Правительственная акция подтвердила, русский корабль и пушки Чарльза Гаскойна по значению соизмеримы с находками шведского судна «Wasa», из которого в Стокгольме сделан национальный музей-памятник.

Несколько лет назад в Петрозаводске выдвинута общественная идея о возможности возврата через муниципалитет города Котка уникальных карельских орудий. Морские пушки, изготовленные в конце XVIII столетия на Александровском пушечном заводе, могли бы вернуться в столицу края.

□

Михаил Юрьевич ДАНКОВ

родился в 1954 году в г. Архангельске.

Окончил Петрозаводский государственный университет.

*Научный сотрудник Карельского
государственного краеведческого музея.*

*Публиковался в научных сборниках, альманахах,
журналах «Север», «Карелия», «Музеи России»,*

«Экохроника» (Санкт-Петербург), «Чело» (Великий Новгород).

Научный руководитель исторического проекта «Осударева дорога».

